

А. В. СОКОЛОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный работник культуры России

ЧТЕНИЕ В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Чтение понимается как социально-коммуникационная деятельность, опосредованная человеком читаемым (не машиночитаемым!) документом в форме широко понимаемой *Книги* (от газетного листка и рекламного буклета до монографии и многотомника). *Социальная коммуникация* вообще есть движение смыслов (знаний, умений, эмоций, волевых стимулов) в социальном времени и пространстве. Если носителем этих смыслов служит книга, то имеет место документальная (точнее — документная) коммуникация. Все культурно-исторические эпохи, пройденные человечеством со времени изобретения письменности в III тысячелетии до н. э., были эпохами господства документной коммуникации, или эпохами *книжной культуры*. В конце XX века в связи с развитием телекоммуникаций футурологи, журналисты, даже ученые заговорили о наступлении новой эпохи — эпохи безбумажной электронной коммуникации, эпохи экранной или *мультимедийной культуры*. В этой культуре носителями смыслов долж-

ны стать не человекочитаемые тексты, а аудиовизуальные сообщения, где текст играет вспомогательную роль. Какова вероятная судьба чтения в эпоху торжества мультимедийной культуры? Именно этот вопрос мы собираемся обсудить.

И опять-таки нужны уточнения. Пользователи электронных коммуникационных систем, несомненно, должны быть людьми грамотными, то есть умеющими читать и писать. Отсюда можно сделать вывод, что чтение — неперенная операция в электронной коммуникации, и стало быть, никакой коллизии интересующий нас вопрос не содержит. Но мы разумеем под чтением не индивидуально-психологическое восприятие и понимание текста, а *социально-культурное* явление, трансформация которого для духовной культуры имеет такое же значение, как смена энергоносителя для материального производства. Интересующее нас чтение связано не с текстом в виде буквенно-линейной записи, а с книгой, прессой, литературой, адресованными

читательским массам. Коллизия заключается в том, что эти массы в эпоху электронной коммуникации якобы предпочитают в качестве источников нужных им смыслов не книгу, а мультимедиа. Возможно ли это? Да, возможно в том случае, если электронная коммуникация будет выполнять социально-культурные функции, традиционно присущие документной коммуникации, лучше (оперативнее, полнее, комфортнее), чем последняя. Тогда чтение как социально-культурное явление сойдет на нет, библиотеки станут музеями, а литераторы перекавалифицируются в «сетераторов» (от «сетература» — публикация художественных и публицистических произведений на сайтах Интернета). Надо заметить, что не все функции документной коммуникации реализуются посредством чтения. Так, фонды национальных библиотек комплектуются не столько для чтения, сколько для хранения в качестве культурного наследия (не случайно более половины их томов никогда не касалась рука читателя); библиофилы собирают раритеты не для того, чтобы изучать их содержание; книги всегда были товаром на книжном рынке, а некоторые становились ценной реликвией. Ясно, что эти и другие «нечитательские» функции книжной коммуникации электронные средства перехватить не способны. Зато о более важных «читательских» функциях этого сказать нельзя. Перечислим основные функции:

1. Образовательная (педагогическая, просветительная, воспитательная) — распространение знаний, этических норм, идеалов, убеждений, обеспечивающих социализацию личности.

2. Идеологическая (агитационно-пропагандистская) — суггестивная популяризация каких-либо политических, религиозных, субкультурных доктрин (учений).

3. Вспомогательная — обслуживание профессиональных информационных потребностей ученых, инженеров, медиков, военнослужащих и других специалистов.

4. Бюрократическая, поскольку бюрократия зиждется на документных потоках и немислима без них.

5. Художественно-эстетическая — функция формирования и развития художественной литературы как особого, словесного вида искусства.

6. Гедонистическая (культурно-досуговая) — книга может стать источником эстетического наслаждения, положительных эмоций или просто увлекательного чтения.

Средства электронной коммуникации в виде телевидения, видеокассет, компакт-дисков, компьютерных технологий, Интернета также выполняют все перечисленные шесть функций, успешно конкурируя с книгой. Дис-

танционное обучение без живых преподавателей и бумажных учебников — из модных новаций современной педагогики; телевидение и Интернет, бесспорно, гораздо более эффективный инструмент любой идеологии и рекламы, чем пресса; органы научно-технической информации давно уже практикуют электронные издания без аналогов в человекочитаемой форме; для современного бюрократа компьютер — необходимая деталь конторского интерьера, а машинистки и секретари превратились в компьютерных операторов; телевидение и компьютерные игры заменяют подрастающему поколению чтение детской литературы, а пенсионеры черпают эстетическое наслаждение не в классических романах, а в латиноамериканских сериалах.

Можно привести другие общеизвестные факты триумфального наступления электронной коммуникации на книжную культуру. Нет нужды умножать цитаты. Очевидно, что судьбу книги и чтения будет решать *интеллигенция XXI века*, поэтому важно заблаговременно составить представление о коммуникационных установках, читательской культуре и читательской практике современного студенчества — завтрашней интеллигентной элиты нашей страны.

В 2000–2002 гг. мы провели комплексное социологическое исследование студентов пяти петербургских вузов 14 различных специальностей и форм обучения. В исследовании приняли участие 1580 студентов первого-пятого курсов (возраст 17–25 лет), из которых 1220 представляли гуманитарные специальности. Использовались массовые анонимные опросы, дополнительные выборочные опросы, групповые и индивидуальные интервью, ведение дневников и мысленный эксперимент «Я в 2025 году».

Читательская деятельность студенчества выглядит следующим образом. Периодически читают толстые художественные журналы — менее 3% студентов; 25% гуманитариев и негуманитариев читают лишь литературу, рекомендованную преподавателем. Русская классика привлекает 27% (лидеры чтения: Достоевский, Набоков, Пушкин), около 40% обращаются к произведениям современных отечественных авторов, а 60% их не читают; иностранная литература более популярна — только одна треть студентов не интересуется ею; 6% студентов-гуманитариев признались, что они вообще не читают на досуге художественную литературу, а 15% не читают ни газет, ни журналов.

Тем не менее, традиционная приверженность книжной культуре достаточно сильна: половина опрошенных собирает личные библиотеки и с этой целью регулярно приобретает

научную и справочную литературу; 23% покупают переводные художественные бестселлеры и реже — книги современных авторов («непокупателями» являются 27% студенческой молодежи). Опрос по теме «современные русские писатели и поэты» показал, что круг известных студентам имен не превышает пятидесяти. Наиболее популярны В. Пелевин, А. Солженицын, Д. Гранин, А. Маринина; 24% не смогли назвать ни одного имени.

Надо заметить, что электронная коммуникация, перехватывая социальные функции книги, не сможет освоить ее художественно-эстетическую функцию, подобно тому, как компьютерная графика бессильна вытеснить живопись. «Сетература» — не конкурент, а виртуальная тень печатной продукции. Другое дело, что со временем может появиться электронное искусство со своей поэтикой, тематикой и герменевтикой. Могильщиком русской художественной литературы могут стать только наши современные писатели и поэты.

А. С. Пушкин в 1834 г. (золотой век!) с грустью писал статью «О ничтожестве литературы русской»; в наши дни Виктор Ерофеев оптимистично рекламирует «Русские цветы зла», которые сотворило, по его словам, «поколение далеко не слабых писателей». «Цветок зла» — это воспетый классиком анчар, к которому «и птица не летит, тигр нейдет»; неудивительно, что русские «литературные анчары» мало способны пробуждают читательского энтузиазма.

Электронная коммуникация постепенно осваивается нашей молодежью (правда, студенты-гуманитарии не являются лидерами в этом процессе). Для 75% студентов Интернет стал обыденным коммуникационным средством. К нему обращаются за получением научной информации для учебных целей, для переписки по электронной почте, иногда — за получением эстетической и развлекательной информации. Не пользуются Интернетом около 15% опрошенных студентов. Около одной трети активно приобретают дешевые музыкальные аудиокассеты и компакт-диски (CD-ROM); 16% сообщили, что они покупают довольно дорогие видеокассеты.

Видимо, еще рано делать вывод об определенных предпочтениях студенчества в коммуникационной сфере. Сейчас наблюдается неустойчивый баланс между книгой и компьютером, перспективы развития которого будут определяться тенденциями на книжном рынке (неблагоприятными для учебной и научной литературы) и тенденциями распространения информационно-компьютерных технологий в образовании, искусстве, развлечениях, быту (весьма благоприятными и многообещающими). Кажется, человек буду-

щего — это человек не столько читающий, сколько смотрящий или слушающий (кстати, из всех искусств около 60% студентов предпочитают музыку, которая далека от словесной семантики).

Однако внушает оптимизм следующий факт. В футурологических эссе «Я в 2025 году», описывая свои досуговые занятия, подавляющее большинство студентов (75%) отметили: «читаю книги», «предпочитаю досуг с хорошей книгой», «перечитываю Достоевского». Оказывается, нынешние «нечитатели» носят в душе своей не реализуемую сейчас потребность в чтении; получается феномен «отложенной читательской деятельности». Этот феномен можно объяснить высоким авторитетом и привлекательностью книжной коммуникации, которые запечатлены не в сознании, а скорее в подсознании нынешнего поколения молодежи.

Конечно, наше изучение читательской деятельности будущих интеллигентов XXI века носит предварительный характер и не может претендовать на научную строгость и завершенность. Судьба чтения в эпоху электронных коммуникаций — предмет не отдельной статьи, а масштабного научного исследования, учитывающего разные категории читателей, типы литературы и виды изданий, социальные, психологические, культурные аспекты чтения, а также коммуникационные барьеры и ограничения, свойственные электронной коммуникации, и возможные перспективы ее совершенствования в первой половине XXI века. Тем не менее рискнем сформулировать три вывода, два из которых достаточно очевидны, а один — гипотетичен.

Во-первых, пространство книжной коммуникации будет сокращаться; во-вторых, социально-культурная значимость Книги сохранится, благодаря выполнению ею «нечитательских» функций, перечисленных выше. Гипотетический вывод относится к взаимосвязи русской интеллигенции и русской литературы. Насколько неразрывна эта взаимосвязь? Наши опросы, констатируя низкую книжную культуру постсоветского студенчества, свидетельствуют и об авторитете книги в их сознании (возможно, подсознании). История напоминает о литературоцентризме, взрастившем русскую интеллигенцию. Последней вспышкой литературоцентризма была гласность конца 1980-х годов. Теперь модно стало писать о конце русской интеллигенции (прощай, интеллигенция!) и об умирании русской литературы (вечная память!). Действительно существуют многочисленные поводы для «гибельного восторга». Наша гипотеза состоит в том, что русская интеллигенция сохранится в качестве читателя русской классической и неклассической литературы в среде мультимедийной культуры.